

Умин лежал у костра. Тело обволакивала приятная нега, и шевелиться не хотелось совершенно. Он даже не шелохнулся, когда Уди принялся выводить на его щеке каракули.

«Уди, откуда в тебе столько желчи? Какая кошка между нами пробежала?» — передал Умин с помощью техники тайного голоса.

— Раз уж ты сам спросил, — Уди пририсовал на лбу брата острый черепаший хвост и легонько похлопал обгоревшим прутиком по его испачканному кровью лицу, — давай расставим точки над «и». Сведём, так сказать, счёты!

Умин заставил себя сосредоточиться и взглянул на названного брата, всем видом показывая, что готов внимательно слушать.

— Когда мне было восемь, — начал Уди, — ты приехал с учителем на наши пастбища в горах Хэлань. Конюшни тогда уже догорали, а я лежал с распоротым животом и едва дышал. Учитель сказал, что я пропустил лучший возраст для занятий боевыми искусствами, и даже если выживу, толку от меня клану Чжуан не будет. Но ты... ты заявил: «Попробуем оживить дохлую лошадь, как раз разомнись». И ты «размялся»! Уколот меня в несколько точек, чтобы остановить кровь, и даже мафусань пожалел! Вколол яд, чтобы сердце не встало, и я в полном сознании, не в силах ни умереть, ни пошевелиться, смотрел, как ты полощешь мои кишки и орудуешь иглой. Ты что-то там болтал про Гуань Юя, которому скоблили кость, но на середине рассказа тебе стало скучно, и я так и не узнал, чем всё кончилось! Мало того, зашив половину, ты заявил, что устал, и ушёл спать! А когда закончил, то вдруг вспомнил, что оставил внутри меня моток нитей ледяного шелкопряда. Тебе стало жалко нитей — и ты заново вскрыл рану, вытащил их и кое-как заштопал меня во второй раз!

Уди заговорил быстрее, сорвал с себя ночную куртку и обнажил живот. Там белел неровный шрам. Длинный, шириной с палец, он походил на бледную многоножку; если присмотреться к «лапкам», можно было заметить, насколько грубыми и кривыми были стежки.

Один взгляд на этот след заставлял Уди содрогаться. Прошрое, яркое и болезненное, стояло перед глазами — он ненавидел этот рубец всей душой. Он до сих пор помнил, как этот негодяй, закончив шить, напрочь отказался за ним ухаживать. Весь путь в повозке Уди не мог даже шевельнуться. Хотел пить — не давали. Хотел справить нужду — ему предлагали делать это прямо под себя. В итоге он, едва не отдав концы, сам выкарабкался из телеги.

Умин слушал этот поток старых обид, и в его памяти тоже всплыли те события. Он помнил мальчишку, лежащего в кровавой грязи и затравленно смотрящего на горящий дом. Тот был похож на волчонка, переполненного ненавистью ко всему миру. И когда Умин, зевая, объявил, что идёт спать, на личике ребёнка отразилось такое негодование, что это даже забавляло.

Тогда маленький Уди не понимал, насколько важен сон. А Умин не ожидал, что этот кусок изрезанного мяса, в который он всадил пять тысяч восемьсот девяносто один стежок, не просто выживет, но и превратится в Бедствие смерти — могучего Уди.

— Моя семья поколениями растила коней, терпя притеснения чиновников. Мой отец, А-Бай, мечтал стать героем и надеялся, что я вырасту достойным человеком, — с горечью продолжал Уди. — Это ты затащил меня на кривую дорожку, а потом в мгновение ока забыл! Когда я прибыл в поместье Чжуан и попытался заговорить с тобой, ты и ухом не повёл. И только когда я разделся и показал тебе этот шрам, ты соизволил вспомнить, кто я такой!

— В клане Чжуан сотни сирот, — парировал Умин. — У тебя на лбу не растёт цветок, с чего бы мне тебя помнить?

— Да как ты мог забыть?! — возмутился Уди. — Я тогда в одиночку полез на солдат, чтобы не подставить отца. Сам вскрыл себе живот, чтобы доказать, что мне не страшно! Сколько таких людей ты встречал в Поднебесной? Я настоящий мужчина, опора земли и неба, а ты просто заносчивый гордец, который всегда меня презирал!

Умин помолчал, снова собирая внутренние силы. Говорить через технику передачи звука было утомительно, но он продолжал:

— Уди, те солдаты под горами Хэлань в любом случае собирались прибрать пастбища твоего отца к рукам. Ты был лишь предлогом. Если бы ты не корчил из себя героя и не калечил себя, твой отец не бросился бы на них в самоубийственной ярости. Тогда бы учитель успел вовремя, дом бы не сгорел, а твои родители остались бы живы. Ты сам сделал себя сиротой.

Уди вспыхнул. Он знал, что это правда, но признавать её не желал. Кто же знал тогда, что помощь придёт?

— С таким характером, — вздохнул Умин, вновь разгоняя ци по меридианам, — тебе суждено было встретить своё Бедствие.

— Не переводи тему! — Уди отбросил ветку, словно вместе с ней выбрасывал старую боль. — Брат, я говорю о вражде между нами!

Умин не ответил, лишь вопросительно приподнял бровь: «Есть что-то ещё?»

— Та монгольская лошадь по кличке Пышка! Я первый её заметил, она должна была достаться мне. Но пять лет назад ты заявил, что тебе срочно нужно в префектуру Гуйлинь, и выменял её у меня. Уж не знаю, какому колдовству ты её обучил, но с тех пор эта скотина меня не признаёт! Даже мыться не хочет! И ты так и не вернул её!

— И ещё! Четыре года назад, когда выбирали Бедствие смерти, ты наговорил учителю гадостей, будто я слабее младшего ученика!

— И это не всё! — Уди распалялся всё сильнее. — С тех пор как я стал Бедствием смерти, ты только и делаешь, что помыкаешь мной. Своё бельё не стираешь, а когда моё высыхает на

верёвке — забираешь его себе, а мне подсовываешь своё грязное! А когда я вышел из темницы, у меня из сундука пропали исподние штаны! На них же было чётко вышито: «Уди». Ты что, ослеп и не видишь иероглифов величиной с кулак?

Умин на мгновение задумался. Выглядел он по-прежнему жалко и истощённо, но медленно оттянул пояс своих ночных штанов, заглянул внутрь и, словно что-то вспомнив, произнёс:

— Твои штаны с именем испачкались, я бросил их в лавке забоя овец. Последние пару дней я вообще хожу без них.

Уди замер от шока. Великое Бедствие болезни, глава Пяти Бедствий, предпочёл разгуливать в ночных штанах на голое тело, лишь бы не заниматься стиркой! И заявлял об этом с таким невозмутимым достоинством!

Уди на мгновение лишился дара речи, поражённый до глубины души. «Если он без штанов, как я этого не заметил?» — мелькнуло в голове.

Он невольно опустил взгляд ниже пояса Умина, пытаясь рассмотреть подробности.

В этот миг взгляд Умина изменился. Его левая рука, до этого мирно лежавшая на земле, дернулась. Щелчок пальцев — и на излёте взрывной силы сорвалась ядовитая игла. Она летела точно в сухожилие на правой щиколотке Уди.

Расстояние было ничтожным, а свист воздуха — едва уловимым. Но Уди, несмотря на вспышку гнева, был начеку. Уйти от удара он не успевал, поэтому выбрал атаку.

Резко опустив правую руку, он провернул кисть и нанёс удар на опережение. Мощная волна внутренней силы вырвалась из ладони, вдребезги сокрушив иглу. Не давая движению затихнуть, он сложил пальцы «когтем» — большой и указательный согнулись, словно стальные клещи, — и с яростным свистом рванулся к горлу Умина.

Тот и не думал уклоняться. Не меняя положения тела, он лишь вскинул левую руку, встретил запястье Уди, мягко заблокировал удар и, обвив предплечье противника, с силой надавил на локтевой сгиб.

Этот приём назывался «Три перелома руки». Каждый этап требовал иного типа усилия, иного вектора силы. Итог был один: меридианы противника закупоривались, а кости дробились в щепки. Более того, тело Бедствия болезни само по себе было резервуаром для ядов — одно точное касание могло решить исход поединка в считанные секунды.

Уди, зная повадки брата, не запаниковал. Как только его локоть оказался в ловушке, он нанёс удар свободной рукой, защищая уязвимую точку на груди. Его ладонь двигалась сверху вниз, словно он стряхивал пыль с собственного плеча.

Стиль Уди был сокрушительным и грубым. За этим «стряхиванием» стояла мощь плеч, скручивание поясницы и сила ног. Вся эта сила была сконцентрирована в одном движении. Если бы Умин не отпустил руку, его кости просто превратились бы в труху.

Но Умин не отступил. Напротив, он рванул локоть Уди на себя.

Левая рука Уди, готовая обрушить удар, внезапно наткнулась на непреодолимую преграду. Он скосил глаза и увидел, что на его запястье, прямо на пульсе, затянулись две тончайшие, ледяные и невероятно прочные нити. Они впивались в кожу, проникая в меридианы, словно живые существа. Стоило Уди попытаться выплеснуть силу, как Умин дергал за нити, мгновенно сбивая ритм его пульса.

Внутренняя энергия Уди спуталась в беспорядочный узел. Он застыл, не в силах пошевелиться.

Весь этот обмен ударами, внешне сложный и стремительный, занял лишь мгновение ока.

Один сидел, другой лежал. Переплетение рук, рывок нити — и всё затихло.

Уди, вынужденный навалиться на Умина всем весом, выдохнул лишь одно слово:

— Диагностика по нити?

Умин не ответил. Он лежал под тяжестью брата, едва заметно поморщившись, и просто смотрел на него.

Эта техника, «Сюань-си це-май», была козырем Бедствия болезни. Изначально это был медицинский приём — искусство ставить диагноз на расстоянии, меняя ток крови пациента. Легенды гласили, что лекарь Сунь Сямю лечил так императрицу, привязав нити к её запястью. В руках мастера боевых искусств это превратилось в смертоносное оружие, овладеть которым могли лишь единицы.

— Я проявил неосторожность, — проворчал Уди. — Когда ты успел выучить этот подлый трюк? Давай пересхлестнёмся заново!

Умин лишь издал короткое «хе», в котором читалось всё его презрение к такому предложению.

Уди тем временем анализировал схватку.

— Брат, а в «Гостинице мертвецов» почему ты не использовал эту технику?

— Угадай, — лениво отозвался Умин.

Уди осенило. Умин с самого начала раскусил его маскировку под возничего и намеренно подставился под удар Врат Духовной Настройки, чтобы заставить его выйти из тени. Но одно не давало ему покоя:

— Но брат, ты же харкал кровью! Откуда в тебе столько сил?

Умин слегка разжал правую ладонь. Там виднелся длинный тонкий порез от ланцетного ножа.

Уди всё понял. Прошлой ночью, когда Умин прикрывал рот рукой во время кашля, он на самом деле незаметно резал себе ладонь. Кровь на лице была настоящей, но не из лёгких. Он просто дурачил всех.

Из-за этой выходки Молодой господин не решился его останавливать, а сам Уди неверно оценил ситуацию и бросился на помощь.

— Брат, ну и зануда же ты, — пробормотал Уди. Его руки были связаны нитями, поэтому он просто придавил Умина своим весом, не давая тому пошевелиться. Он смотрел в лицо брата в упор, глаза в глаза, и беззвучно одними губами произнёс: «Бес-стыд-ник».

Умин, даже в таком положении выглядевший полумёртвым, вдруг усмехнулся.

Уди не сводил с него глаз:

— Смейся-смейся. Черепаха у тебя на лице никуда не делась. Ты и есть черепаха.

Умин опустил веки. Его взгляд, острый, как лезвие, скользнул по подбородку Уди.

Он плотно сжал челюсти, выдавая гнев, и на волевом подбородке отчетливо проступила вертикальная ямка. Она была у него с рождения, и эта маленькая неровность всегда почему-то раздражала Умина.

— Танцовщицы из Врат Богини говорили, что такая ямка называется «ложбинкой красоты». Мол, бабам такие очень нравятся.

Уди мгновенно почувствовал неладное. Он попытался отпрянуть, его аура вспыхнула жадной убийства, а мышцы напряглись для рывка — он знал, что его старший брат не выносит, когда у других есть что-то хорошее.